

**«О время благополучное и редкое, когда
мыслить и говорить не воспрещается <...>» (Об
эпиграфах в произведениях Г.Р. Державина)**

Эпиграф в разнообразном и обширнейшем творчестве Г.Р. Державина — явление, безусловно, заслуживающее внимания.

Первый эпиграф появляется у Державина в 1790 году в оде «На взятие Измаила»:

О коль Монарх благополучен,
Кто знает Россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.

Ода г. Ломоносова⁴⁷.

Это четверостишие М.В. Ломоносова из «Оды императрице Екатерине Алексеевне на ее восшествие на престол июля 28 дня 1762 года». Своеобразную вольность проявил Я.К. Грот в «Сочинениях Державина», подписав этот эпиграф «Ломоносов (ода 18, строфа 22)»⁴⁸ вместо «Ода г.<осподина> Ломоносова»: издатель тут же, а не в примечаниях, уточнил источник эпиграфа. Строки из оды Ломоносова подтверждают память о славном и могущественном царствовании императрицы по прошествии многих лет. Отметим тот факт, что Державин обращается в

---

⁴⁷ Державин Г.Р. Сочинения: в 5 ч. СПб., 1808 – 1816. Ч. 1. С. 77. В этом издании в последней строке эпиграфа была допущена опечатка: вместо слова «всех» напечатано «все», что отмечено в «Погрешностях в первой части». В подписном экземпляре «Сочинений», подаренном Державиным племяннице – Е.Н. Львовой и изобилующем авторскими пометами, недостающую букву Державин дописал карандашом (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1., № 11, л. 49).

⁴⁸ Сочинения Державина с объяснит. примеч. Я. Грота: в IX т. СПб., 1864 – 1883. Т. I. С. 340. Ссылки на это издание далее даются в тексте статьи с указанием в скобках номера тома (римская цифра) и номера страницы (арабская цифра).

эпиграфе не к библейскому или античному материалу (как, например, Ломоносов в отдельном издании оды «Российских войск хвала растет», написанной по поводу победы над шведами под Вильманстрандом в 1741 году, поставил эпиграф из Горация), а к творчеству предшественника, при этом к одному из вершинных образцов русской поэзии. Державин таким эпиграфом обозначает преемственность традиции, идущей от ломоносовской победной хвалебной оды. В своих многочисленных одах, посвященных подвигам русских войск, поэт во многом следует творческим принципам Ломоносова, но ограничивается в подражании только этим жанром⁴⁹. Я.К. Грот, в примечаниях неоднократно сопоставляя оду Державина с текстами Ломоносова, заметил: «Вообще эта ода, по стилю и по картинам, более других напоминает оды Ломоносовские» (I, 342)⁵⁰. Заложенная в эпиграфе мысль о благоразумном монархе, умеющем управлять своим народом, находит отражение в следующих державинских строках:

Пусть только ум Екатерины,
Как Архимед, создаст машины;
А Росс вселенной потрясет.

---

⁴⁹ Об отношении Державина к Ломоносову см.: Стенник Ю. В. Ломоносов и Державин // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 235 – 267; Алексеева Н.Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. СПб., 2005. С. 309 – 312; Благой Д.Д. Гаврила Романович Державин // Державин Г.Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 16 – 19.

⁵⁰ Это влияние отмечали и друзья Державина: И.И. Дмитриев, Н.А. Львов, В.В. Капнист, вносявшие стилистические поправки в текст оды «На взятие Измаила». Так, стих «И правотой сердца пленить» в первом издании оды (1791) звучал так: «И милостью сердца пленить». Николай Александрович Львов, исправив в рукописи Державина «правотой» вместо «милостью», так объяснил свое решение: «Ломоносов показал дорогу везде просить милости. Я не считаю это ни благородным подвигом, ни красным словом <...>; если же милость кто по заслуге получил, то она уже не милость, и слово сие уменьшало бы достоинство действия; тогда бы была она только справедливость, и для того я написал: правота» (I, 359). Замечание Львова нашло свое воплощение уже в издании оды Державина в 1798 году.

Чего не может род сей славный,
Любя царей своих, свершить?
Умейте лишь, главы венчанны,
Его бесценну кровь щадить.
Умейте дать ему вы льготу,
К делам великим дух, охоту,
И правотой сердца пленить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь мир себя заставить чтить. (I, 358 – 359)

Поэт, испытавший все тяготы военной жизни, наставляет императрицу и дает ключ к тому, как «россами владеть», чтобы «венчанны лавром исполины» возлегли «под сению Екатерины» (I, 360). Пять строф (32 – 36), обращенных к «прекрасному и почтенному» полу, которому «днесь предлежат венцы», завершаются напоминанием о том, что

Плоды побед суть звуки славы,
Побед основа – тверды нравы,
А добрых нравов вы творцы! (I, 360)

По словам Державина, «ода сия не токмо императрице, ее любимцу, но и всем понравилась <...>. Государыня, увидев его при дворе в первый раз по напечатании сего сочинения, подошла к нему и с усмешкою сказала: «Я не знала по сие время, что труба ваша, столь же громка, как и лира приятна» (I, 335–336).

Вопрос о местоположении этого эпиграфа тоже имеет свою историю. В писарской копии «Рукописных стихотворений Державина» (1790 – 1794), хранящейся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, на полях рукописи напротив эпиграфа есть замечание, сделанное рукой Державина: «Этот диктон должен быть написан быть на предшествующей странице» (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1., № 11, л. 90), то есть на

отдельном листе. Только потом, на следующей странице должно идти заглавие и текст стихотворения. Так, эпиграф оды «На взятие Измаила» сопровождался в «екатерининском» рукописном томе 1795 года⁵¹ и в первых печатных отдельных изданиях⁵² иллюстрацией. Любопытно, что Державин, готовивший рукопись к публикации, употребил вместо слова «эпиграф» (от греч. epigraphé – надпись) лексему «диктон» (от франц. dicton – изречение)⁵³. Я.К. Грот в своем издании воспроизвел это стихотворение Державина с оформлением, созданным в рукописи 1795 года: эпиграф напечатан на отдельной странице под гравюрой по рисунку А.Н. Оленина, сопровождаемом в рукописях таким объяснением: «Орел российский опочивающий на полсвета, имея при себе знаки славы и храбрости непобедимой» (I, 337).

Еще раз имя М.В. Ломоносова появляется под эпиграфом в 1799 году в отдельном издании героической оды «На переход Альпийских гор»:

Где только ветры могут дуть,
Проступят там полки орлины.

Ода Г. Ломоносова⁵⁴.

---

⁵¹ РНБ, F.XIV.16.

⁵² Впервые «Песнь лирическая Россу по взятии Измаила» (название менялось несколько раз) напечатана тремя отдельными изданиями: в Петербурге, Москве и Тамбове в 1791 году. Описывая первый печатный экземпляр оды, Грот отмечал: «На обороте заглавного листа четырехстишие Ломоносова, сохраненное перед одою, в виде эпиграфа, и в собраниях сочинений нашего поэта. <...> Вскоре после первого появления оды, она была помещена, под тем же заглавием и с удержанием эпиграфа, в Новых ежемесячных сочинениях» (I, 336 – 337). В издании 1808 года эпиграф напечатан без рисунков на традиционном для него месте – под заглавием.

⁵³ Благодарю за помощь в атрибуции этого слова А.О. Демина и А.А. Левицкого.

⁵⁴ Переход в Швейцарии чрез Альпийские горы, Российских Императорских войск, под предводительством Генералиссима; 1799. СПб., 1800.

На этот раз Державин воспользовался строками из оды «На взятие Хотина» (6 строфа; 1739). В державинской рукописи № 2 (л. 102) эпиграф перед текстом стихотворения отсутствует, в № 7 (писарская копия с поправками Державина, ч. III, л. 141) он есть. Начиная с издания «Сочинений» 1808 года, ода публиковалась без эпиграфа (Ч. 2. С. 101).

Эпиграф на титуле отдельного издания – продолжение традиции, идущей от Ломоносова, и появление такого эпиграфа у Державина в 1799 году было уже вторым опытом, первым же стало в 1792 году отдельное издание стихотворения «Памятник герою» (1791), посвященного князю Николаю Васильевичу Репнину, «последнему победителю Турок и первому устройтелю мира с Турецкою державою»⁵⁵. Эти обстоятельства и стали поводом для его написания. Вот этот эпиграф:

Друг человечества! Войною
Быть громким может и злодей,
Но славою блещут прямою
Подобны души лишь твоей.

Стихотворение было напечатано без подписи, так же, как и в «Московском журнале» (1791. № 10. С. 46), где публиковалось впервые со следующим примечанием Н.М. Карамзина к заглавию: «Сочинитель не хочет быть известен, подражая, может быть, скромной добродетели героя, в честь которого сооружен им сей памятник. Да и в самом деле имена писателей не столько нужны для потомства, сколько изображаемые ими современников своих знаменитые добродетели, которые должны озарять грядущие племена в деяниях их» (I, 431). Эпиграф, вероятнее всего, принадлежит перу самого Державина и является стилизацией торжественных од Ломоносова. Ломоносовская мысль

---

⁵⁵ РНБ, F.XIV.16. Л. <393 об.>. См. также: Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 1. С. 428.

«Иной прославился войною, / Но жизнью мир порочит злою...» («Ода на день восшествия на престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1748 года», строфа 14) находит прямой отзвук в стихах «Войною / Быть громким может и злодей...». Вторая же часть эпитафия о прославлении души связана со строками из той же оды Ломоносова: «И славе свет да удивится / Твоих великодушных дел». Эта открытая переключка с Ломоносовым не оставляет сомнения в авторстве Державина.

Проблема подлинности и мнимости героизма, поднятая Ломоносовым, у Державина решена однозначно: героем не может быть человек, погубивший тысячи людей в угоду своим честолюбивым замыслам. В тексте оды поэт раскрывает качества «друга человечества»:

Прямой герой страстьми недвижим,
Он строг к себе и благ ко ближним;
К богатствам, титлам, власти, славе
Внутри он сердца не привержен;
Сокровище его любезно —
Спокойный дух и чиста совесть (I, 433 – 434).

Эпитафия, появившийся позже этих строк, аккумулирует в себе идею стихотворения, изначально противопоставляя человечность злодейству.

В издании «Сочинений Державина» 1808 года встречается еще один эпитафия, сочиненный Державиным, о котором он в 1809 году в «Объяснениях на сочинения Державина относительно темных мест в них находящихся» в особом примечании к этому стихотворению написал: «Второй эпитафия написал автор с намерением, дабы Павел познал, что примечено публикою его недоброжелательство к Суворову из зависти, для чего сия ода холодно и была принята» (III, 677). Вот этот эпитафия, напечатанный на обороте титульного листа:

«Великий дух чтит похвалы достоинствам, ревнуя к подобным; малая душа, не видя их в себе, помрачается

завистью. ТЫ, ПАВЕЛ! Равняешься Солнцу в Суворове; уделяя ему свой блеск, великолепнее сияешь».

Конечно, подобные замечания не могли понравиться императору. Как указал Грот, в черновой рукописи оды «На переход Альпийских гор» «после 32-й строфы была еще одна, которая потом зачеркнута и обращена в эпитаф» (II, 298). Приведем эту последнюю, несостоявшуюся строфу:

Великая душа лишь знает,
О Павел! Дать хвалу другим;
Душ малых зависть помрачает
И солнце не блистает им.
Монарха блеск, светила мира,
Чрез отлияние порфира
Прекрасней нам своим лучем.
Он от морей, от капель сверкает
Сияньем взоры восхищает:
Так ты – в Суворове твоём (II, 299).

Эти строки, оставленные в общем корпусе стихотворения, пусть даже и в его финале, могли иметь более мягкое звучание. Державинское решение перенести собственное стихотворное сравнение-поучение во главу произведения, можно расценивать как своеобразный подвиг, сравнимый с подвигом Суворова. Прозаический эпитаф сразу обращал на себя внимание, он выбивался из привычного жанра панегирической военной оды. Как следствие – ода вызвала недовольство Павла.

На этом фоне хочется обратиться еще к двум, по определению Грота, «замечательным» (I, XXIV) эпитафам, посвященным царственным особам.

Первый том Сочинений Державина 1808 года открывается посвящением Екатерине Великой и эпитафом⁵⁶ о ее правлении:

---

⁵⁶ Эпитаф напечатан после посвящения на отдельной странице. Державин одним из первых в русской литературе авторов употребил эпитаф к тому своих сочинений (впервые это сделал И.И. Дмитриев в

«О время благополучное и редкое, когда мыслить и говорить не воспрещалось; когда соединены были вещи несовместные, владычество и свобода; когда при самом легком правлении общественная безопасность состояла не из одной надежды и желания, но из достоверного получения прочным образом желаемого. Тацит»⁵⁷.

В черновой вариант подносной рукописи эпиграф внесен Державиным дважды и имеет несколько иной, усеченный вид: «О! времен редкого благополучия, когда не воспрещалось мыслить и что мыслишь говорить свободно. Тацит. Книга 2»⁵⁸. По мнению Грота, этой цитатой Державин намеревался заключить свое поэтическое посвящение императрице (I, 805), что подтверждается рукописью: приведенные строки под посвящением зачеркнуты и на следующем листе рукой Державина написано: «О редкого времени благополучие, когда не воспрещалось мыслить и что мыслишь говорить свободно. Тацит, книга 2»⁵⁹.

Поэт вынес цитату на отдельный лист, превратив ее в эпиграф. Здесь можно наблюдать, как шла работа Державина над переводом из Тацита.

В одном из первых сборников «Рукописных стихотворений Державина», хранящемся в Пушкинском Доме⁶⁰, и в подносной рукописи 1795 года эпиграф, написанный после посвящения, оформлен уже практически как в издании «Сочинений» 1808 года, за исключением

сборнике «И мои безделки» в 1795 году). Эпиграф использован Державиным и в рукописном «екатерининском» томе 1795 года. Однако в Сочинениях 1798 года он отсутствует. Возможно, это произошло по недосмотру издателя: не смотря на то, что «сочинителю желалось было первую часть напечатать в таком точно порядке, как она блаженной памяти покойной Государыне Императрице поднесена была», сочинения были «безо всякого разбора размещены», «притом с такими неисправностями, что вовсе бы лучше не издавать» (Сочинения. 1798. С. III).

⁵⁷ Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 1. М., 1798.

⁵⁸ ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 4, л. 2 об.

⁵⁹ ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 4, л. 3.

⁶⁰ ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 1.

измененной подписи под эпитафией («Из разных мест Тацита») и его начальных слов («О времени редкого и благополучного <...>»)⁶¹. Таким образом, вплоть до издания 1808 года с уже окончательно оформившимся эпитафией, Державин работал над этой цитатой, все-таки оставив под ним только имя автора: «Тацит». Я. Грот, поместивший в первом томе «Сочинений» специальное примечание к этому эпитафии Державина, установил, что строки действительно охватывают два произведения Тацита: «Историю» (кн. 1, гл. 1) и «Жизнь Агриколы». В 1795 году Тацит еще не был издан на русском языке, поэтому Грот предположил, что Державин, знавший латинский язык со времени обучения в казанской гимназии, пользовался текстом «или в подлиннике, или в немецком переводе» (I, 805). Вскоре, в 1798 году, в Москве появляется перевод «Жизни Агриколы» И. Горина, а в 1807 году в Петербурге выходит «История Тацита» в переводе Ф. Пospелова. Приводя отрывки процитированных в эпитафии мест из этих переводов, Грот заключает: «Нет надобности говорить, насколько Державин лучше обоих переводчиков Тацита понял и выразил мысль римского историка» (I, 806). Такой «объединенный» и вследствие этого получивший некую «объемность» эпитафия прекрасно передает характер общественной атмосферы во время правления Екатерины II⁶².

Вторая часть сборника сочинений 1808 года, посвященная уже Александру I, сопровождалась эпитафией из Плиния, характеризующим первые годы александровского царствования:

---

⁶¹ ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 1, л. 6. В писарской копии «Рукописных стихотворений Державина» с поправками поэта (ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 5) этот эпитафия значительно расширен, но две дополнительные строки тщательно зачеркнуты.

⁶² Показательно, что А.Н. Радищев в «Песне исторической» (1802), говоря о временах императора Траяна, приводит эти же слова Тацита: «Век счастливой наш, где можно / Мыслить то, что мыслить хочешь, / И вещать, что ты помыслишь» (Радищев А.Н. Полн. собр. соч.: в 3 т. М.; Л., 1938 – 1952. Т. 1. С. 117).

«Мы не намерены ласкать ему нигде, яко существу Высочайшему, или яко некоему Божеству; ибо говорим не о тиране, но о Гражданине, не о Государе, но об Отце Отечества, который почитает себя нам равным; но тем паче нас превышает, чем более равняет себя с нами. *Плиний* в слове Императору Траяну»⁶³.

Эпиграф дан в переводе А.А. Нартова, изданном в Петербурге в 1777 году. Однако Державин несколько правит перевод, точнее выстраивая с грамматической точки зрения его финальную часть. У Нартова: «Он почитает себя равным нам; и тем паче превышает, что равняет себя с нами»⁶⁴. У Державина фраза построена грамматически правильнее.

Имя Плиния не появляется здесь неожиданно. Оно возникает у Державина еще в 1786 году в «Речи, говоренной в 22 день сентября 1786 при открытии в Тамбове главного народного училища...». Этот опыт в ораторской прозе отозвался в письме к Е. Р. Дашковой (16 ноября 1786 года), где он ссылается на Плиния в отзыве о Ломоносове: «Думаю, ежели б он (Ломоносов – *И. К.*) доныне жив был, то бы, без сомнения, стихи его трогали сердце для того, что бы мы в них усматривали более истин, нам приятных и нас пленяющих, подобно как у Плиния в похвале Траяна» (V, 639). В эпиграфе, говорящем «приятные» и «пленяющие» «истины», Державин проводит параллель Александр I – Траян: правление обоих отличается активной реформаторской деятельностью, а заключенное Александром в 1807 году Тильзитское соглашение с Наполеоном в данном контексте воспринимается как намек на военные успехи римского императора. Присутствие в эпиграфе авторского «я» («Мы не намерены ласкать ему нигде...») настраивает на откровенный

---

⁶³ Державин Г.Р. Сочинения: в 5 ч. Ч. 2. СПб., 1808. Эпиграф напечатан на отдельной странице после стихотворного обращения к Монарху перед «Оглавлением второй части».

⁶⁴ Слово похвальное императору Траяну, говоренное Каием Плинием Цецилием Вторым / пер. А. Нартова. СПб., 1777. С. 2. В предисловии ко второму тому «Сочинений Державина» Я. Грот приводит в подлиннике соответствующую эпиграфу цитату из Плиния (II, VIII).

разговор с читателем: сборник будет вещать одну истину, «с которой и после меня история будет согласна» (V, 639).

Следующий ряд державинских эпитафий имеет одно общее свойство: они взяты из христианских источников православной веры. Рассмотрим их в хронологическом порядке.

Стихотворение «На кончину благотворителя» (1795) открывается эпитафией из «Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова»:

«Прежде неже умерши ты, добро твори другу ... и освяти душу твою, яко несть во аде взыскати сладости. Сирах. гл. 14, ст. 13, 16, 17»⁶⁵.

В рукописях⁶⁶ эпитафия подписана «Сирах. гл. 14, ст. 13 и 14». Вероятно, Державин, всегда отличающийся точностью в обозначении строк из христианских книг, цитировал «Книгу Премудрости» по памяти, поэтому первоначально приблизительно пометил источник фразы, а соответствующее уточнение мог внести уже перед изданием. Поэт опустил несколько строк, не отражающих особенностей деятельности благотворителя, оставив только: «Прежде, нежели умрешь, делай добро другу, и утешай душу твою, ибо в аде нельзя найти утех»⁶⁷.

Слова из библейского источника имеют особое звучание: Иван Иванович Бецкой, которому посвящено это произведение, президент Академии художеств, был

---

⁶⁵ Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 2. С. 156.

⁶⁶ ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 4, л. 170; № 2, л. 141 об. Во второй из этих писарских копий (ед. хр. № 2) переписчик пропустил эпитафию, который был вписан карандашом на полях с пометой «NB» человеком, очевидно, готовящим рукопись к изданию.

⁶⁷ Полный текст отрывка из 14 главы второканонической книги Ветхого завета (курсивом здесь выделена часть, отсутствующая у Державина): «¹³ Прежде, нежели умрешь, делай добро другу, и по силе твоей простирай твою руку и давай ему. ¹⁴ Не лишай себя доброго дня, и часть доброго желания да не пройдет мимо тебя. ¹⁵ Не другим ли оставишь ты стяжания твои и плоды усилий твоих для раздела по жребию? ¹⁶ Давай и принимай, и утешай душу твою, ¹⁷ ибо в аде нельзя найти утех».

учредителем воспитательных домов для детей, рожденных вне брака, и Смольного монастыря для благородных и мещанских девиц. Державин отмечает, что этот человек «жил для всех», и всю жизнь «спасал, хранил, учил, питал» (I, 706). Поэт, перелагая строки «Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова», завершает стихотворение призывом от лица небесной истины:

«О смертные! добро творите
И души ваши освятите,
Доколе не прешли сей свет;
Без добрых дел блаженства нет» (I, 708).

Такое возвращение к эпиграфу в финале произведения связывает его со структурой произведения в целом.⁶⁸

Как продолжение этой темы звучит и эпиграф стихотворения «Монумент милосердию» (1805):

«Блажени милостивии, яко тии помиловани будут»⁶⁹.

Эта фраза из 5 главы Евангелия от Матфея, строка 7, что было отмечено Гротом, который в этом стихотворении добавляет подпись под словами эпиграфа: «(Матф. V, 7)» (II, 521). Эта тенденция к уточнению источника в тексте самого эпиграфа будет свойственна издателю и в других случаях.

Стихотворение написано в память о генерал-майоре Егоре Александровиче Наумове. Как главный судья в петербургской государственной конторе, он добился указа Екатерины II об отмене пыток и пристрастных допросов. По словам Державина, этим указом императрица освободила «человечество от чудовища, или тиранства, алкавшего крови не по чему иному, как по невежеству или по ослепленной злости» (III, 695).

В тексте стихотворения Державин снова поэтически обыгрывает евангельские строки:

---

⁶⁸ Подобным приемом пользовались и другие поэты, например, В.К. Тредиаковский («В крайностях терпение пользует», 1755), Н.М. Карамзин («Надежда», 1796; «Записка о древней и новой России», 1811).

⁶⁹ Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 2. С. 213.

Тут, облеченное лучами,
Явилось божество с весами
И, меч и ветвь держа рукой,
Рекло – глас грома повторили: –
«Блажени милостивы были:
Помилованы будут мной!» (II, 522).

Эпиграф освещает строение стихотворения: автор сначала говорит о милосердных, которых ждет божье прощение, и о гордецах, чей удел – забвение. В числе первых Державин перечисляет Елизавету, уничтожившую смертную казнь, Петра III, закрывшего тайную канцелярию, Екатерину II, ограничившую пытку (II, 523), и, конечно же, Егора Александровича Наумова:

Наумов! и тебя в их хоры
Велела Милость поместить (II, 523).

Ко вторым поэт относит «победителя вселенной» — Петра Александровича Румянцева, чья «дивная пирамида», то есть памятник, воздвигнутый в его честь⁷⁰, со временем должна исчезнуть. «Одою в честь Наумова» поэт хотел сказать, что «такие монументы милосердия угоднее Богу, чем те пышные памятники, которые удовлетворяют только людской гордости <...>» (II, 521). Собственно к созданию своего «Монумента» «человеколюбивому подвигу» (III, 695) Державина побудило разрешение Александра I выставлять на время панихид конвой у могилы Румянцева, оплачиваемый его родственниками⁷¹.

В стихотворении «Слава» (1810) следующий эпиграф:

---

⁷⁰ В 1799 году в Петербурге на Марсовом поле был установлен памятник П.А. Румянцеву, представляющий собой черную стелу с надписью «Румянцева победам». Сейчас он находится в Румянцевском сквере на Университетской набережной.

⁷¹ См. подробнее: Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 2. С. 520 – 521.

«День дню отрыгает глагол, и ночь ноши возвещает разум»⁷².

Как и в рукописной копии, эта фраза в издании 1816 года написана без указания на источник. Его уточняет Грот, вновь самостоятельно подписывая: «(псал. 18, 3)» (III, 47).

«Толкования на псалмы» святителя Афанасия Великого дают такую трактовку 18 псалма⁷³: «Настоящий псалом содержит в себе первоначальное учение, предлагаемое язычникам от лица Апостолов; потому и говорится, что и небо, и солнце, и прочие стихии, у язычников почитавшиеся великими богами, песнословят Творца своего»⁷⁴. О третьей строке святитель Афанасий пишет: «День и ночь, <...> чинно и стройно уготовляют течение друг другу, и самым делом проповедают Создателя своего». Поэт размышляет о судьбах земных царей, подразумевая под ними Наполеона и Александра, относящихся к разным типам правителей⁷⁵. Первый, «в надменье» мечтающий Богом «быть в себе», — тиран и «убийца народов», прославленный беззаконием, повергнутыми престолами, храмами и городами. Это гнусная, мнимая слава. Второй, «хранящий строги нравы», — «отец семейств, законодатель», не помышляет о славе, а строит храмы, заботится о подданных. По Державину, «Бессмертная, прямая слава / Есть цепь цветущих вечно благ» (III, 47). В финале стихотворения поэт «песнословит» именно такого царя, признающего одного истинного Бога:

Так, доблесть токмо превосходна

---

⁷² Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 5. СПб., 1816. С. 67.

⁷³ Афанасий Великий (ок. 298 – 373) – один из греческих отцов церкви, принадлежавший к александрийской школе патристики; архиепископ Александрийский, энергично отстаивавший догмат о единстве естества Бога Отца и Сына и названный поэтому отцом православия.

⁷⁴ Афанасий Великий, святитель. Творения: в 4 т. М., 1994. Т. 4. С. 157.

⁷⁵ Об отношении Державина к Александру I и Наполеону и об отражении политических взглядов поэта в его произведениях см.: Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 65 – 70.

Должна поправде славной быть:
Благотворителя народна
Долг сердцем и устами чтить.
Се солнце Творческой державы
Вещает силу, бездн сквозь тму:
«Бог благ, – один Он Царь есть Славы,
И все поклонятся Ему». (III, 50)

Среди произведений религиозного характера эпиграфом открывается духовная ода «Идолопоклонство» (1810):

«Аз есмь Господь Бог твой, да не будут Тебе Бози
ини...»⁷⁶.

В писарской копии карандашом вычеркнуты последние слова первой заповеди: «разве меня»⁷⁷. Как нам кажется, это ошибка переписчика, который механически мог написать всю заповедь целиком, а затем вычеркнуть лишнее. Эпиграф отражает авторскую позицию, вступая в полемические отношения с заглавием: Державин изначально заявляет, что «нигде, ни в ком себе кумира / И не творил и не творю». Поэт даже «в хижине безвестной» был бы доволен своей долей. Перечисляя все, что «сочли за Бога мы!»: роскошь, красоту, золото, славу, он призывает:

Бесчисленны суть наши страсти,
Крамольники мы вышней власти.
О Росс! беги сей тмы. (III, 55)

С эпиграфа начинается еще одно произведение 1810 года – «К молодому Злобину»:

«Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретает,
душу же свою отщтит? Еванг<елие>»⁷⁸.

Возможно, что эпиграф в первоначальном замысле отсутствовал: в рукописи он вписан Державиным с подписью

---

⁷⁶ Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 5. С. 55.

⁷⁷ В русском переводе заповедь полностью звучит так: «Я Господь Бог твой, да не будет у тебя никаких других богов, кроме Меня».

⁷⁸ ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 10, л. 42 об.

«Еванг.». Здесь же и название стихотворения обрело свой окончательный вид: сверху вписано слово «молодому». Подобные поправки наводят на мысль, что это не был пропуск переписчика, а действительная доработка автора. Грот, впервые публикуя это стихотворение, традиционно отредактировал его источник: «Матф., 16. 26» (III, 445).

Державин был знаком с Константином Васильевичем Злобиным, сыном миллионера-откупщика В.А. Злобина, по работе в министерстве юстиции (см.: III, 446). Константин Васильевич увлекался литературой, опубликовал несколько своих стихотворений. Державин, видимо, чувствовавший в молодом человеке борьбу двух совершенно разных стремлений, написал о нем: «Поэт душой, купец породой, — / Двойк в себе с твоей свободой» (III, 447). Строка из «Евангелия от Матфея» предупреждает державинского героя о том, что богатство и плотские наслаждения губят душу: «Какая польза человеку, если мир весь приобретет, душе же своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Евангелие от Матфея. Гл. 16, ст. 26). Чтобы душа не стала мертвой, автор послания советует молодому Злобину отдать себя поэзии, а не торговле:

Достаток нужный и спокойство
Удержишь век свой при себе,
Скажи тогда, на что решишься?
Души ли, злата ль отщетишься?

Решись, оставь свое разгласье:
Сомненья к благу не ведут.
Нет! Гении когда и счастье,
Сложась, тебе дары дают,
Дерзай: будь чудо-феникс в мире!
Не игрывал Мидас на лире (III, 448).

В писарской копии рукописного сборника «Сочинения Державина. Часть VI» есть эпитафия, который был вычеркнут, как нам кажется, все-таки Державиным. Это строки из

Евангелия от Луки (гл. 12, ст. 9), предполагавшиеся в качестве эпиграфа для стихотворения «Истина» (1810):

«Аще кто мене отвержется пред человеки и аз отвергнуся его пред Ангелами Божиими»⁷⁹.

В русском переводе строка звучит так: «А отвергнувший Меня пред людьми, будет отвергнут пред ангелами Божиими». В публикации стихотворения 1811 года была оставлена первая часть фразы⁸⁰, а уже в 1816 году Державин отказывается от нее окончательно.

Поэт заявляет, что от советов Истины не отступит нигде, он ее «провозвестник, друг, поборник» (III, 66). Державин объявляет Истину своим Богом и в финале обращается к ней с просьбой: «Как к тебе на суд явлюся, / Не отворатися от меня» (III, 67). Слова эпиграфа в этом контексте должны персонифицированно восприниматься как идущие от Истины. Однако это слова знаменитой проповеди Иисуса перед фарисеями и своими учениками. Одной из причин, побудивших Державина отказаться от эпиграфа, могло стать это смещение акцента, это «несоответствие» истине.

Эпиграф появляется и в одном из последних крупных произведений поэта, в «самом значительном из духовных стихов Державина»⁸¹ позднего периода – поэме «Христос» (1814):

«Никтоже приидет ко Отцу, токмо мною. Иоан. гл. 14, ст. 6»⁸².

В примечаниях к этому произведению, составленных поэтом и состоящих только из ссылок на библейские источники, под № 55 Державин снова воспроизводит приведенную выше строку из Евангелия от Иоанна⁸³,

---

⁷⁹ ИРЛИ, ф. 96, оп. 1, № 10, л. 53 об.

⁸⁰ «Аще кто отвержется мене пред человеки...». Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею. 1811. Ч.V. С. 160.

⁸¹ Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. С. 83.

⁸² Державин Г.Р. Сочинения. Ч. 5. С. 8.

⁸³ Полный вариант 6-й строки 14-й главы: «Аз есмь путь, и истина, и живот: никто же приидет ко Отцу, токмо Мною».

поскольку ей соответствуют следующие строки поэмы «Христос»:

Так, без Него никто к Отцу
Его приблизиться не может.
Без Сына дверь наград к венцу
Таинственную не проторжет (III, 203)

Поэт, осмысливая в этой духовной оде фигуру Иисуса, дважды обращается к одной фразе, растолковывает ее, тем самым фиксируя мысль о том, что к Богу можно придти, только постигнув Иисуса. Это можно назвать основополагающим моментом в размышлении Державина о значении Христа в формировании основ нравственности. В заключении указывается на сокровенность процесса постижения Спасителя:

Христа нашедши, все находим,
Эдем свой за собою водим,
И храм Его – святы сердца (III, 207).

Л.Ф. Луцевич назвала Державина одним из «наиболее последовательных православных поэтов XVIII века»⁸⁴. В поэме «Христос» как нигде прослеживается сконцентрированность на символике и образах православной веры. Библейские эпиграфы у Державина предваряют не только произведения религиозного характера, но и оды, посвященные почившим: Е. А. Наумову и И.И. Бецкому, напоминая об их заслугах, и оды, посвященные здравствующим: императорам Наполеону и Александру I, коллежскому советнику К.В. Злобину.

Эпиграф появился в творчестве Г. Р. Державина в 1790 году, что было связано с продолжением традиций панегирической военной оды. Постепенно он становится

---

⁸⁴ Луцевич Л.Ф. Псалтырь в русской поэзии. СПб., 2002. С. 443.

более частым спутником его стихотворений и сборников сочинений: среди выявленных тринадцати случаев употребления эпиграфа семь приходится на последнее десятилетие жизни поэта, из которых четыре – на 1810 год. Конечно, это связано с развитием все большего интереса к эпиграфу в русской литературе. Отметим, что Державин подхватывал многие новые веяния, связанные с употреблением эпиграфа (эпиграф к собранию сочинений, использование собственных строк в качестве эпиграфа), а также продолжал традиции предшественников (эпиграфы к отдельным изданиям стихотворений). Среди авторов цитат дважды встречается имя М.В. Ломоносова, дважды – имена античных классиков (переводные эпиграфы из Тацита и Плиния), семь являются строками из христианских книг. В трех эпиграфах, посвященных русским монархам, представлен своеобразный взгляд на историю России конца XVIII – начала XIX столетия. По сохранившимся рукописным источникам мы можем судить о том, как трепетно относился Державин к эпиграфам. Особо выделим тот факт, что только у него есть к ним рисунки. Державин, как показали наблюдения, значительно чаще, чем другие поэты XVIII столетия, употреблял эпиграф в качестве структурного компонента произведения.